оригинальная статья
УДК 93/94:351.74(571.150)

Борьба органов милиции с проявлениями антисоветской агитации, пропаганды и провокационных слухов в 1941–1942 гг. (по материалам Алтайского края)

Сергей П. Шатилов^{а, @}; Оксана А. Шатилова^а

^а Барнаульский юридический институт МВД РФ, 656038, Россия, г. Барнаул

[@] shatilov_sp@mail.ru

Поступила в редакцию 28.10.2019. Принята к печати 27.12.2019.

Аннотация: Рассмотрена реализация государственной идеологии и правовой политики на примере борьбы органов милиции с проявлениями антисоветской агитации, пропаганды и провокационных слухов в 1941–1942 гг. в Алтайском крае. Выявлены основные причины, приводившие к таким проявлениям: тяжелое положение на фронте в начале войны, умалчивание в средствах массовой информации реального состояния дел на фронте, предоставление искаженной информации населению Алтайского края эвакуированными гражданами из прифронтовых или оккупированных районов. На основе архивных материалов изучены основные формы и методы борьбы органов милиции с указанными преступлениями. Проанализирована деятельность сотрудников милиции по выявлению источников получения антисоветской агитации и пропаганды, а также особенности привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших данные преступления. В годы Великой Отечественной войны (1941–1945) органы милиции использовали различные формы и методы в выявлении проявлений антисоветской агитации, пропаганды и провокационных слухов, сотрудники милиции всесторонне и полно расследовали уголовные дела о данных преступлениях, устанавливая истину по делу в каждом конкретном случае, уделяли особое внимание работе с агентурным аппаратом и выявлению источников получения антисоветской агитации, пропаганды, что было сделать крайне сложно, так как поступавшая информация в своем большинстве являлась анонимной.

Ключевые слова: Великая Отечественная война (1941–1945), государственная идеология, антисоветская пропаганда, контрреволюционная листовка, ложные слухи, контрреволюционное преступление

Для цитирования: Шатилов С. П., Шатилова О. А. Борьба органов милиции с проявлениями антисоветской агитации, пропаганды и провокационных слухов в 1941–1942 гг. (по материалам Алтайского края) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 98–106. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-98-106>

Введение

Изучению деятельности органов милиции в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) исследователи уделяли достаточно много внимания. Следует отметить следующих отечественных ученых-историков: Ф. Е. Базаров [1], А. Я. Малыгин [2], Р. С. Мулукаев, В. М. Суслов [3], А. П. Тимченко [4], В. И. Костин [5] и др. Благодаря усилиям нескольких поколений исследователей накоплен существенный массив научных работ, в которых подробно рассмотрена перестройка органов милиции в условиях войны, борьба с преступностью, с детской беспризорностью и безнадзорностью, с хищениями социалистической собственности, со спекуляцией продовольственными и промышленными товарами и т. д. При этом в научных работах, посвященных деятельности милиции в военный период, описание борьбы с проявлениями антисоветской агитации, пропаганды и провокационных слухов ограничивалось лишь отдельными примерами.

Методологической основой исследования являются принципы историзма, объективности и системности.

Исходя из этих и других методологических принципов в статье использован определенный набор методов научного познания: конкретно-исторический, ретроспективный, сравнительный, формально-юридический, примененных в комплексе с историко-сравнительными и сравнительно-правовыми методами.

В довоенный период государственная идеология Советского Союза строилась на таких направлениях, как борьба с врагами пролетариата; усиление роли партий при достижениях в области индустриализации и коллективизации; организация трудовых масс страны для строительства коммунизма и т. д. В годы Великой Отечественной войны, по нашему мнению, государственная идеологическая конструкция не изменилась, однако стали смещаться акценты некоторых идеологических установок. В частности, если враг, то это не враг внутри страны, а враг за ее пределами – нацистская Германия, если защита, то это защита не партии и социалистических идеалов, а защита Родины и т. д.

В период чрезвычайного положения советская государственная идеология основывалась на общественных

ценностях, которые существовали в исследуемый период, а также на имеющейся серьезной угрозе уничтожения всего советского народа. Она способствовала существенному подъему моральных сил населения, готовности совершать подвиги и самопожертвованию, несмотря на различные политические взгляды, религиозные убеждения, отношение к большевистской партии и личные обиды и утраты [6, с. 33].

Территорию СССР в указанный период можно разделить на оккупированную территорию; территорию, находящуюся в непосредственной близости от театра военных действий; блокадные территории; освобожденные районы и тыловую территорию. Алтайский край являлся тыловым регионом, на многие сотни километров удаленным от линии фронта и включавшим Ойротскую автономную область (10 аймаков (районов) и 116 сельсоветов), 1191 населенный пункт, 58 районов – 946 сельсоветов, города – Барнаул, Бийск, Ойрот-тура, Рубцовск, Камень, Алейск, Славгород, Чесноковск, 5 рабочих поселков¹. С началом войны значение края существенно изменилось, из малоосвоенного, сельскохозяйственного он стал превращаться в крупный промышленный регион, от которого требовалось ресурсное обеспечение действующей армии и флота.

Важной составной частью перестройки государства на военный лад стала эвакуация населения из прифронтовых районов в тыловые. 1 июля 1943 г. численность эвакуированного населения в Алтайский край составила 151,6 тыс. человек [7, с. 39]. Следовательно, изменилась структура населения Алтайского края по национальной принадлежности. Русских насчитывалось 2139957 человек; украинцев – 191821; алтайцев (ойротов) – 43847, мордвы – 30203; татар – 7821; чувашей – 3285; евреев – 1697; киргизов – 81; немцев – 33203; казахов – 27595; белорусов – 6954; эстонцев – 1837; шорцев – 540; хантов – 18; прочих национальностей – 9262 человека². Данные обстоятельства привели и к изменению состава религиозных конфессий, политических взглядов, убеждений и т. д.

Настроения советских граждан в первые месяцы войны были самые разные и противоречивые, в стране сложилась непростая психологическая ситуация [8, с. 34]. Вест о нашествии немцев вызвала у многих негодование и возмущение, на многочисленных митингах граждане осуждали действия германского руководства, выражали полную уверенность в победе Красной Армии, принимали обязательства положить все свои силы для разгрома фашистов. В информационной сводке № 3 от 15 июля 1941 г. «О политических настроениях населения некоторых районов Алтайского края по 10 районам, не включенным в прошлые сводки», подготовленной отделом пропаганды

и агитации Алтайского крайкома ВКП(б), сообщалось, что население Алтайского края с гневом осуждает нападение фашистской Германии на Советский Союз, выражает полную готовность защищать свою Родину, самоотверженно бороться как на передовых позициях фронта, так и в тылу – на производстве, в колхозах, совхозах и т. д. [9, с. 14].

За первые дни мобилизации в Косихинский районный военный комиссариат было подано 600 заявлений, в Ойрот-Туринский – около 400, в Усть-Каменский, Поспелихинский только за первые два дня войны было подано более 100 заявлений³. Рабочий С. Косихинского районного финансового отдела в своем заявлении писал: «Я возмущен варварством германских фашистов. Несмотря на то, что мой год не подпадает под мобилизацию (1892 г.р.), я убедительно прошу районный военный комиссариат зачислить меня добровольцем» [10, с. 103].

О готовности защищать свою Родину свидетельствует большой интерес населения Алтайского края к военной подготовке и, как следствие, открытию на его территории значительного количества разнообразных оборонных кружков. Так, стали изучать военное дело в тресте ресторанов и столовых 142 человека, в крайздраве – 240. В 76 железнодорожных вокзалах были оборудованы газоубежища на 240 человек, сформированы 12 сандружин и открыты 15 военных кружков⁴.

По инициативе населения в стране было развернуто движение по созданию фонда обороны, поддержанное затем ЦК ВКП(б) и местными партийными органами. В Советском Союзе в течение войны в данную структуру по ценам 1941 г. поступило свыше 17 млрд руб. наличными; 13 кг платины; 131 кг золота; 9519 кг серебра; на 1,7 млрд руб. драгоценностей; 4,5 млрд руб. облигаций государственных займов; свыше 0,5 млрд руб. вкладов в сберегательных кассах [11, с. 168]. Только за первые месяцы войны в колхозе им. Кирова Шипуновского района Алтайского края колхозниками было собрано 21,355 тыс. руб., всего по району – 138,125 тыс. руб.⁵

Проявления антисоветской агитации, пропаганды, провокационных слухов и борьба с ними

В 1941–1942 гг. на территории Алтайского края были недовольные, обвинявшие высшие органы государственной власти в «нависшей угрозе». 8 июля 1941 г. с целью уклонения от службы в Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) гр. Д. обманул медицинскую комиссию и в присутствии призывников открыто высказывал нежелание воевать в рядах Красной Армии⁶. Работница колхоза Э. «Моргенорот» Гляденского сельсовета Знаменского

¹ Отдел реабилитации и архивной информации информационного центра ГУВД Алтайского края (ОРАИ ИЦ ГУВД АК). Ф. 4. Оп. 2. Д. 147. Л. 1.

² Там же. Л. 4.

³ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1. Оп. 18. Д. 26. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 3.

⁶ ГААК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 27. Л. 104.

района среди женщин открыто высказывалась о том, что целью Германии является освобождение населения СССР от гнета коммунистов⁷. Работница Б. кирпичного завода Андреевского сельсовета Знаменского района среди немцев-колонистов говорила, что с приходом Гитлера мужчины будут освобождены из тюрем и станут сражаться на стороне Германии⁸. 19 июля 1941 г. в г. Барнаул гр. Р. в состоянии алкогольного опьянения демонстративно в одном из скверов города ломал деревья. На замечания со стороны прохожих заявлял, что он это делает для того, чтобы сесть в тюрьму и не служить в РККА⁹.

Причинами таких настроений части населения СССР являлись ошибки, допущенные высшими и местными органами советской государственной власти еще в 1920–1930-е гг., а именно проведение всеобщей коллективизации без учета особенностей и уровня развития национальных областей; несправедливое лишение избирательных прав некоторых слоев населения, переросшее в отдельных районах в явление массового характера; закрытие храмов, мечетей и т. д. [12, с. 49].

3 августа 1942 г. в Листвянском лесомехпункте Топчихинского района на крыльце квартиры одного из рабочих была обнаружена контрреволюционная листовка:

«Товарищи рабочие и работницы! До каких пор будем терпеть голод, нищету, оскорбление начальников. В каждой семье идет разговор из-за обуви, одежды и хлеба, каждый делит нищенские граммы, а немец все более и глубже идет внутрь России, уже перебрался за Волгу и взял 1000 городов и сел, уничтожил несколько миллионов самых нужных людей.

Наше правительство подводит к полному уничтожению русского народа.

На фронте бьют, в тылу мрут с голоду, а на работе требуют 200 %... Все это правда! Так дружнее бросьте работу и бегите, требуйте повышения потребностей, хлеба, мануфактуры и прочее.

Долой грузино-еврейское иго! Да здравствует свобода!!!»¹⁰.

23 октября 1942 г. на крыльце дома № 78 по ул. Гоголя г. Барнаул была обнаружена контрреволюционная листовка: «Листовка из Германии. Долой Советскую власть. Да здравствует Адольф Гитлер»¹¹.

13 декабря 1942 г. в 10 часов утра сотрудниками милиции на ст. Шипуново на заборе «Заготзерно» были обнаружены 5 контрреволюционных листовок следующего содержания: «Товарищи рабочие, служащие, раненые красноармейцы!

На нас Советское правительство окончательно накинulo ярмо! Вы все, за исключением Ваших главных эксплуататоров, сидите голодом. За что мы воюем? За что проливаем кровь свою на поле битвы? Мы воюем за 200 грамм хлеба и за тюрьмы, в которые нас безвинно сажают. Они кричат на весь мир: "Победа будет за нами". Какая же у нас победа, если они отдали почти весь СССР. Народу уже надоела война... Мы живем хуже собак! Мы сами себе не хозяева. Нами командуют, как над животными...»¹².

В годы Великой Отечественной войны возросло количество преступлений, связанных с распространением провокационных слухов [13, с. 131]. Основными причинами были следующие факторы: во-первых, в начальный период войны положение на фронте было очень тяжелым, и это отразилось на настроениях населения, в том числе стали распространяться слухи, выражавшиеся в преувеличении оценки военной мощи гитлеровской Германии [14, с. 28]; во-вторых, в газетах и по радио распространялась официальная «сухая» статистика о состоянии дел на фронтах и умалчивалась информация о реальном состоянии дел [15, с. 162]; в-третьих, искаженную информацию представляли населению Алтайского края эвакуированные граждане из прифронтовых или оккупированных районов, ставшие свидетелями только незначительной части немецких злодеяний и т. д. [16, с. 16].

Сотрудник дошкольного сектора Краевого отдела народного образования гр. Д. в беседе с коллегами сообщила, что ее знакомая, приехавшая из г. Черновцы Украинской ССР, рассказала ей о положении дел в прифронтовых районах, заведомо преувеличивая негативные настроения населения в своем регионе, а также о противозаконной деятельности органов Советской власти и т. д.¹³

Заведующий складом «Водостроя» гр. К. в беседе со своими коллегами заявил, что «нашим газетам верить нельзя, если наши пишут, что потерян один самолет, то надо удвоить или утроить цифру, тогда будет верно. Мы не выдержим и будем побеждены, т. к. у нас дела совсем скверные, наши перебегают к немцам, и немцы к нам, но только о наших перебежках ничего не пишут. Страсти пишут для того, чтобы запугать красноармейцев. Настроение у наших не высокое, да и как оно будет высокое, когда согнули в дугу...»¹⁴.

В первые месяцы войны ужесточилась ответственность за контрреволюционную агитацию и пропаганду. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ от 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время

⁷ Там же. Л. 105.

⁸ Там же. Л. 107.

⁹ ГААК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 158. Л. 56.

¹⁰ Там же. Л. 45.

¹¹ Там же. Л. 228.

¹² Там же. Л. 229.

¹³ ГААК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 27. Л. 55.

¹⁴ Там же. Л. 79.

ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения», согласно которому виновные за распространение ложных слухов привлекались военными трибуналами к тюремному заключению сроком от 2 до 5 лет [17, с. 70]. Данный Указ отражал политику органов государственной власти, в связи с этим законодатель отнес это преступление к тяжким государственным преступлениям, т. к. тяжесть этого преступления заключалась, прежде всего, в том, что совершивший его гражданин вольно или невольно оказывал помощь врагу. Распространение слухов искажало информацию, тем самым подрывало военную и трудовую дисциплину, возбуждало тревогу среди населения и т. д. Противник мог использовать в своих целях трусов, паникеров, деклассированных, неустойчивых людей [18, с. 52]. Согласно Указу субъектом преступления могло быть любое физическое лицо, совершившее данное преступление, достигшее возраста уголовной ответственности, что приводило к эффективному снижению уровня преступности [19, с. 121].

При расследовании уголовных дел о данных преступлениях необходимо было достоверно установить, действительно ли слух, который распространялся, был ложным. Выяснить это было очень непросто, особенно в тех случаях, когда предметом выявления оказывалась информация о полной военной готовности немецкой армии или о том, как немцы относились к населению захваченных ими территорий, учитывая тот факт, что в отдельных случаях слухи не были ложными. В военный период все, что не соответствовало официальной информации, признавалось «ложным слухом» [20, с. 14]. В рамках уголовного дела необходимо было устанавливать цель совершения преступления – «вызвать тревогу среди населения именно ложным слухом» [21, с. 14].

По Указу данное преступление могло быть совершено как умышленно, так и по неосторожности. При расследовании уголовных дел о таких преступлениях многое додумывалось следователями при изложении своего мнения по делу, при этом любые действия или фразы могли быть истолкованы как контрреволюционные. Рассматривая отдельное дело, Пленум Верховного Суда СССР решил, что в тех случаях, когда распространяемые слухи наводили тревогу среди населения и содержали антисоветскую информацию, необходимо было применять ст. 58-10 УК РСФСР, а не Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение во время войны ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» [22, с. 92]. Ст. 58-10 УК РСФСР карала за проведение контрреволюционной пропаганды и агитации.

Еще один нормативно-правовой акт, ужесточивший юридическую ответственность, был принят Государственным Комитетом Обороны (ГКО). Своим Постановлением от 17 ноября 1941 г. № 903сс ГКО расширил полномочия НКВД СССР, предоставив Особому совещанию НКВД СССР право совместно с прокурором Союза ССР

принимать серьезные меры наказания, вплоть до расстрела, по делам, подсудственным органам НКВД, о контрреволюционных преступлениях и особо опасных преступлениях против порядка управления СССР, предусмотренных ст. 58 УК РСФСР [23, с. 32].

Важность борьбы с данными противоправными действиями послужила причиной усиления работы органов милиции Алтайского края в этом направлении. На протяжении всего периода Великой Отечественной войны сотрудниками милиции проводились оперативно-разыскные, следственные мероприятия, принимались заявления от граждан о фактах распространения провокационных слухов, измышлений, пропаганды, агитации и проводилась их проверка [24, с. 14].

По агентурной информации сотрудникам милиции стало известно, что плотник судоремонтного завода Бобровского затона гр. П., ранее судимый за убийство, среди рабочих вел пораженческую агитацию, заявляя, что «в наших газетах о военных событиях пишут все ложно, скоро Финляндия заберет Ленинград, и мы голодать не будем, а перейдем к ним»¹⁵. За данное преступление гр. П. был арестован и привлечен к уголовной ответственности по ст. 58-10 (ч. 2) УК РСФСР. Ч. 2 данной статьи карала за особо тяжкий вид преступления.

Сотрудниками милиции г. Барнаул в результате оперативно-следственных мероприятий было установлено, что при выпуске газеты «Алтайская правда» от 21 ноября 1941 г. гр. С., гр. Н. и гр. Ш. были изготовлены и распространены в общественных местах г. Барнаул 9 экземпляров газеты, носящих антисоветский характер. На первом листе было размещено стихотворение, призывавшее читателя к победам над фашистским агрессором:

«Товарищи!

Сталин призывает нас
трудом повсюду Родину крепить,
используй каждый день и каждый час,
чтобы врага скорее разгромить...».

Внизу под этим стихотворением была подведена черта и большим печатным шрифтом написано: «Напрасные старания»¹⁶.

Все виновные были установлены и привлечены судом к разным срокам уголовной ответственности.

Для оперативного розыска лиц, занимавшихся распространением провокационных слухов, антисоветской агитацией и пропагандой, УНКВД по Алтайскому краю в районы направлялись сотрудники уголовного розыска. Так, 15 августа 1945 г. в 6 часов утра на территории усадьбы конторы «Красный труженик» Кулундинского района было обнаружено 8 листовок контрреволюционного содержания: «Вставай, подымайся, рабочий народ, иди на борьбу люд голодный. Долой союз дураков, да здравствует счастливая Германия. Но... Гад, кость тебе в горло, подлецу этакому.

¹⁵ Там же. Л. 80.

¹⁶ ГААК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 158. Л. 484.

Сидит, дает приказ отступать, а то и не видит, что уже пол-России занято»; «Тов., голод и бедность – вот, что дает людям их работа. Мы издыхаем всю жизнь в работе, всегда в грязи и в обмане, а нашим трудом тешатся другие и держат нас, как собак, на цепи. Мы ничего не знаем, мы всегда боимся. Ночь – наша жизнь. Собирай народ силы во единую силу! Привет... дуракам»¹⁷; «Товарищи, не старайтесь рассчитывать разными налогами, ибо все равно Советскому государству не существовать. Из нас жмут кровь, как сок из клюквы. Тов., сейчас человека превратили в настоящего раба. Самим пахнет могилой. Долой... дурака. Да здравствует Гитлер»¹⁸. Для организации розыска авторов и распространителей контрреволюционных листовок в Кулундинский район УНКВД по Алтайскому краю был откомандирован сотрудник уголовного розыска¹⁹.

Особое внимание сотрудники милиции уделяли выявлению источников получения антисоветской агитации и пропаганды. В годы Великой Отечественной войны в основном ими выступали радиовещание и почтовая корреспонденция.

Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 14 июля 1941 г. № 29/13/у «Об уклонении от сдачи радиоприемников и радиопередающих устройств» была введена уголовная ответственность. Согласно Постановлению Президиума Верховного суда ССР №29/13у от 14 июля 1941 г. преступление необходимо было квалифицировать по ст. 59-6 УК РСФСР «Отказ или уклонение в условиях военного времени от внесения налогов или от выполнения повинностей (в частности, военно-автотранспортной, военно-конской, военно-повозочной и военно-судовой) влекут за собой – лишение свободы на срок не ниже шести месяцев, с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты – расстрела, с конфискацией имущества». В связи с этим сотрудники милиции усилили работу по выявлению лиц, не сдавших радиоприемники и радиопередающие устройства, а также настраивающих их при выполнении своих служебных обязанностей на запретные частоты.

Сотрудники милиции в ходе оперативных мероприятий установили, что радист радиоузла железнодорожного клуба станции Барнаул гр. Щ. не сдал радиоприемник типа ЭЧС-4 и резервный приемник типа ТМ-9. Гр. Щ. систематически ловил зарубежные станции, в том числе немецкие и итальянские, передававшие контрреволюционную клевету в отношении Советского Союза, услышанное распространял среди населения²⁰.

По агентурной информации сотрудникам милиции стало известно, что 12 июля 1941 г. заведующий Эликмонарским

радиоузлом, настраивая приемник для приема сообщений от станции им. Коминтерна, на волне 19,74 метра принял следующую передачу: «Говорит станция за Россию, ... скоро падет власть Советов, они загнали народ в тюрьмы и лагеря... долой ж... СССР. Нам не нужен капиталист и коммунист, нам нужен русский хозяин, мелкий частник. Против коминтерна все народы... Наше новое правительство кончит войну, заключит мир с немцами, чем скорее, российские граждане, начнем нашу войну, тем скорее освободимся и останемся живы... Слушайте нас каждый день»²¹.

В ходе оперативно-следственных мероприятий, проведенных сотрудниками милиции, было установлено, что проживавшей в с. Кучугур Карасукского района Алтайского края гр. Ж. пришло письмо, в котором содержалась анонимная листовка религиозного содержания, от ее дочери гр. У., являвшейся жительницей совхоза № 9 Новосибирской области. Гр. Ж. попросила 12-летнюю внучку размножить листовку. После этого сама распространила листовку по всему селу. Далее жительница села гр. О., получив листовку от гр. Ж., размножила ее и один экземпляр отдала гр. П. для размножения и распространения, что последний и сделал через свою сестру гр. П. в колхозе «Красный фронтовик» Кучугурского сельсовета. Кроме того, гр. О. отправила письмо вместе с листовкой гр. У., жительнице колхоза «Красный колос» Нестеровского сельсовета Карасукского района, для размножения и распространения ее среди населения, что последней и было сделано. В ходе следствия у гр. У., жительницы совхоза № 9 Новосибирской области, было изъято 35 листовок антисоветского религиозного содержания. По данному факту все участники были задержаны и привлечены по ст. 58-10 (ч. 2) УК РСФСР к разным срокам заключения²².

Особое внимание сотрудники милиции уделяли проверке заявлений о фактах распространения провокационных слухов, измышлений, пропаганды и агитации [25; 26, с. 26]. Секретарь Шарчинского райкома ВКП(б) тов. Ф. сообщил в органы милиции, что 18 ноября 1942 г. получил анонимное письмо с «контрреволюционным и террористическим содержанием». В письме высказывалось пожелание устранить нарушение законности в торговой сети. В дальнейшем автор письма приводил факты расхищения товаров с базы райпотребсоюза: «9 октября 1942 г. приехала машина с промышленными и продовольственными товарами. Часть товара была распределена между работниками базы, другая поступила в закрытый магазин». В дальнейшем автор обращался к т. Ф.: «...оглянитесь вокруг и устраните безобразие, если Вы сами не замешаны в этом, я знаю, моя просьба Вам покажется смешной, но уверяю, час расплаты скоро придет, когда будет не до смеха, всем терпением бывает конец,

¹⁷ Там же. Л. 48.

¹⁸ Там же. Л. 49.

¹⁹ ГААК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 27. Л. 49.

²⁰ Там же. Л. 111.

²¹ ГААК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 105. Л. 56.

²² ГААК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 155. Л. 323–323 об.

у Вас, как у плохого хозяина, нет порядка. Трудовая копейка собрана с членов пайщиков, а кто же товаром пользуется, кто же его грабит, да наши органы власти, а защитники родины безногие, безрукие пошли от магазина ни с чем, они будут тем довольны, что они, защищая родину и охраняя теплое местечко для своего хозяйства, чтобы обжираться нашим трудом. Нет, т. Ф., не все гранаты брошены в фашистов, оставлены и для внутреннего врага, смотрите в оба, пока не поздно, наша кровь не пропадет задаром»²³.

Сотрудниками милиции были проверены все факты, указанные в данном анонимном письме, о нарушении принципов советской торговли, что нашло отражение в действительности. 14 ноября 1942 г. в магазин Шарчинского сельпо поступило товаров на сумму 70000 руб., часть из них на сумму 2000 руб. была направлена в колхоз им. Сталина, остальное было передано в «закрытый магазин» и перераспределено между работниками райпотребсоюза. Так, «шерстяного материала поступило 70 метров, из них 22 было передано в "закрытый магазин" и 48 получили работники райпотребсоюза и лица, прикрепленные к "закрытому". Председатель сельпо получил 6 метров, секретарь РК ВКП(б) – 6 метров, районный прокурор – 6 метров, председатель районного исполнительного комитета – 6 метров, эти же лица распределили между собой поступившую 72 % белую муку»²⁴.

4 ноября 1942 г. в Шарчинское сельпо поступила большая партия промтоваров, которая по распоряжению председателя районного исполнительного комитета и секретаря райкома ВКП(б) в большей своей части была реализована через «закрытый магазин». В числе этой партии поступило 25 пар теплого белья для раненых бойцов, пришедших с фронта, но секретарь райкома ВКП(б) предложил реализовать данное белье следующим образом: 18 пар продать членам районной комиссии по сбору теплых вещей для РККА, одну пару взял председатель районного исполнительного комитета, остальные выдали раненым красноармейцам, в результате чего среди последних были отмечены резкие недовольства. Причиной этому являлись противозаконные действия председателя Шарчинского сельпо, которая, воспользовавшись служебным положением, приобретала товары первой необходимости путем самоснабжения²⁵.

В борьбе с распространением провокационных слухов, антисоветской агитации и пропаганды сотрудникам милиции активно помогали граждане [27, с. 5]. В одних случаях они сообщали о лицах, ведущих антисоветскую агитацию и пропаганду, в других – принимали участие по их задержанию.

По одному из сообщений сотрудникам милиции стало известно, что с 7 на 8 апреля 1942 г. в квартире члена колхоза «Буревестник» гр. П. собрались бывшие монашки гр. З, гр. Г. и гр. Ж. и проводили богослужение, пели молитвы. После его окончания вели антисоветские разговоры. Тот же источник сообщил, что у бывшей монашки В. 13 мая 1942 г. после моления среди собравшихся зашел разговор, в котором гр. К. высказала пожелание о победе Германии²⁶. 13 июля 1941 г. в 12 часов дня два жителя г. Барнаул доставили в УНКВД по Алтайскому краю гр. С., утверждая, что последний среди населения проводил антисоветскую агитацию. В ходе предварительного следствия было установлено, что гр. С. 13 июля 1941 г. в 10 часов утра, находясь в пивной по ул. Короленко, в присутствии ее посетителей проводил открытую контрреволюционную агитацию²⁷.

Заключение

В 1941–1942 гг. государственная идеология была перестроена в соответствии с условиями чрезвычайного положения и нацелена на повышение патриотического воспитания населения. Немаловажную роль в противодействии преступлениям, связанных с проявлениями антисоветской агитации, пропаганды и провокационных слухов, сыграла государственно-правовая политика, ужесточившая уголовную ответственность за данный вид преступлений.

Меры, принимаемые органами государственной власти, по недопущению среди граждан Советского Союза проявлений антисоветской агитации, пропаганды и провокационных слухов, не всегда достигали положительного результата. Основными причинами, способствующими совершению такого вида преступлений, являлись тяжелое положение на фронте в начале войны, умалчивание в средствах массовой информации реального состояния дел на фронте, предоставление искаженной информации населению Алтайского края эвакуированными гражданами из прифронтовых или оккупированных районов.

По свидетельству архивных материалов, сотрудники милиции проводили оперативную работу с каждым подозреваемым. Об этом наглядно свидетельствуют результаты работы Алтайского краевого суда, которым в 1942 г. к уголовной ответственности по ст. 58-10 всего было привлечено 96 человек²⁸. Данная тенденция сохранялась на протяжении всего периода Великой Отечественной войны. В 1943 г. было привлечено к уголовной ответственности 425 человек²⁹, а в 1944 г. количество осужденных снизилось до 100 человек³⁰.

²³ ГААК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 158. Л. 269–270.

²⁴ Там же. Л. 271.

²⁵ Там же. Л. 270.

²⁶ Там же. Л. 502.

²⁷ ГААК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 27. Л. 105.

²⁸ ГААК. Ф. 1474. Оп. 78. Д. 612. Л. 1.

²⁹ Архив Алтайского краевого суда. Наряд № 15 статистические отчеты по делам 1-й инстанции за 1943 г. Л. 22.

³⁰ Архив Алтайского краевого суда. Наряд № 21 статистические отчеты по делам 1-й инстанции за 1944 г. Л. 23.

Деятельность органов милиции Алтайского края по борьбе с данным видом преступлений в исследуемый период укрепилась как самостоятельное направление. Органы милиции, осуществляя работу по этому направлению деятельности, уделяли особое внимание работе с агентурным аппаратом и выявлению источников получения антисоветской агитации, пропаганды, что было сделать крайне сложно, т. к. поступавшая информация в своем большинстве являлась анонимной.

Произошедший в 1943 г. коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны и дальнейшие победы Красной армии способствовали нормализации общественно-политической ситуации в стране, усилению патриотических настроений и сплочению общества в чрезвычайных условиях войны.

Литература

1. Базаров Ф. Е. Советская милиция Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1971. 216 с.
2. Малыгин А. Я. Развитие системы подбора, расстановки и обучения кадров в органах внутренних дел. М.: Акад. МВД СССР, 1978. 40 с.
3. Мулукаев Р. С., Суслов В. М. Функции советской милиции по предупреждению преступлений (1917–1934 гг.). М.: Акад. МВД СССР, 1991. 96 с.
4. Тимченко А. П. Организация и деятельность милиции Советской Украины в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – май 1945 г.): дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1981. 169 с.
5. Костин В. И. На страже правопорядка в годы Великой Отечественной войны. Горький: Приволжское книжное изд-во, 1983. 87 с.
6. Горлов А. С. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: институциональные и организационные аспекты: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 270 с.
7. Снегирева Л. И. Состав населения, эвакуированного в западно-сибирский тыл в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2015. № 2. С. 38–43.
8. Блинова В. В. Пресечение антисоветской агитации, пропаганды и негативных слухов на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2007. № 3. С. 32–39.
9. Гогин А. А. К вопросу о некоторых аспектах советского законодательства периода Великой Отечественной войны // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2015. № 3. С. 12–17.
10. Жанбосинова А. С. Структура и динамика репрессивной политики в Восточном Казахстане в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3. С. 103–105.
11. Першин К. В. Борьба органов НКВД-НКГБ СССР с дезертирством и бандитизмом на территории Сталинградской области в годы Великой Отечественной войны // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Педагогические науки. 2017. № 4. С. 167–175.
12. Шевляков А. С. Политический контроль над колхозным крестьянством в годы Великой Отечественной войны (на материалах Сибири) // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 6. С. 48–53.
13. Недоступов Д. А. История Русской православной церкви в период 1917–1945 гг. // Научный альманах Центрального Черноземья. 2017. № 2. С. 112–134.
14. Сомов В. А. Слухи как фактор трудового поведения в начальный период Великой Отечественной войны // Историческая психология и социология истории. 2011. Т. 4. № 1. С. 19–32.
15. Сучилкин А. В., Сучилкина Е. В. Нормативно-правовое регулирование борьбы с преступностью в годы Второй мировой войны // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2012. № 28. С. 160–163.
16. Блинова В. В. Деятельность органов НКВД Южного Урала в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2008. 30 с.
17. Шатилов С. П., Шатилова О. А. Правоохранительная деятельность в годы Великой Отечественной войны // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2007. № 11. С. 69–73.
18. Ахмадиева Н. В. Крестьянство и власть: история взаимоотношений (на материалах Башкирской АССР, 1941–1945 гг.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2015. № 3. С. 51–57.
19. Концепция правового воспитания российского общества / ред. А. А. Васильев, В. В. Сорокин. Барнаул: Азбука, 2014. 272 с.
20. Герман Р. Б. Деятельность российской милиции в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941–1960 гг.). Ростов н/Д: РЮИ МВД России, 2000. 163 с.

21. Потапова А. В., Воротынцева А. А., Краснов Ю. К. Суды СССР в годы Великой Отечественной войны // История государства и права. 2010. № 9. С. 13–19.
22. Чугунцова Н. А. Деятельность органов власти Северного Кавказа по обеспечению правопорядка в условиях Великой Отечественной войны // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 1. С. 92–98.
23. Семенов В. М., Шатилов С. П. Деятельность милиции Алтайского края в период Великой Отечественной войны: историко-правовой аспект. Барнаул: БЮИ МВД России, 2001. 61с.
24. Червякова А. А. О роли органов Советской и Германской пропаганды в формировании массового сознания населения СССР и советских военнопленных в годы Великой Отечественной войны // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2011. № 57. С. 13–17.
25. Хмелева А. В. Страницы истории: следствие в годы Великой Отечественной войны // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2015. № 2. С. 42–47.
26. Хмелева А. В. Страницы истории: следствие в годы Великой Отечественной войны (на основе архивных материалов по Воронежской области) // История государства и права. 2015. № 9. С. 23–29.
27. Голубых Н. В., Чашников В. А. Деятельность органов милиции на Урале в период Великой Отечественной войны // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2015. № 2. С. 2–7.

Militia Forces against Anti-Soviet Agitation, Propaganda, and Provocative Rumors in the Altai Territory in 1941–1942

Sergei P. Shatilov^{a, @}; Oksana A. Shatilova^a

^a Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Barnaul, Russia

@ shatilov_sp@mail.ru

Received 28.10.2019. Accepted 27.12.2019.

Abstract: The research featured the implementation of state ideology and legal policy during the World War II. The present paper describes the case of the Altai Territory, where the local militia forces had to struggle against anti-Soviet propaganda and provocative rumors in 1941–1942. The study helped to identify the main reasons that led to such manifestations: the critical situation at the front during the early period of the war; lack of media information about the real state of affairs; distorted information that the disoriented evacuees shared with the local people. Archival materials helped to shed light on the basic forms and methods which the local militia used to combat the rumors. The paper focuses on the means of identification of sources of anti-Soviet propaganda, as well as the peculiarities of criminal prosecution in such cases. During the Great Patriotic War (1941–1945), the militia used various forms and methods to identify sources of anti-Soviet propaganda and provocative rumors. The analysis showed that the militia thoroughly investigated each case, revealing the initial source of anonymous information.

Keywords: Great Patriotic War (1941–1945), state ideology, anti-Soviet propaganda, counterrevolutionary leaflet, false rumors, counter-revolutionary crime

For citation: Shatilov S. P., Shatilova O. A. Militia Forces against Anti-Soviet Agitation, Propaganda, and Provocative Rumors in the Altai Territory in 1941–1942. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 98–106. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-98-106>

References

1. Bazarov F. E. *Soviet police in Western Siberia during the Great Patriotic War (June 1941–1945)*. Cand. Hist. Sci. Diss. Tomsk, 1971, 216. (In Russ.)
2. Malygin A. Ia. *Development of a system of selection, placement and training of personnel in the internal affairs bodies*. Moscow: Akad. MVD SSSR, 1978, 40. (In Russ.)
3. Mulukaev R. S. *The functions of the Soviet police in the prevention of crimes (1941–1945)*. Moscow: Akad. MVD SSSR, 1991, 96. (In Russ.)
4. Timchenko A. P. *Organization and activities of the police of Soviet Ukraine during the Great Patriotic War (June 1941 – May 1945)*. Cand. Jurispr. Sci. Diss. Kiev, 1981, 169. (In Russ.)
5. Kostin V. I. *On guard of law and order during the Great Patriotic War*. Gorky: Privolzhskoe knizhnoe izd-vo, 1983, 87. (In Russ.)

6. Gorlov A. S. *Soviet propaganda during the Great Patriotic War: institutional and organizational aspects*. Cand. Hist. Sci. Diss. Moscow, 2009, 270. (In Russ.)
7. Snegireva L. I. The composition of the population evacuated to the West Siberian rear area during the Great Patriotic War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2015, (2): 38–43. (In Russ.)
8. Blinova V. V. Suppression of anti-Soviet agitation, propaganda, and negative rumors in the South Urals during the Great Patriotic War. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2007, (3): 32–39. (In Russ.)
9. Gogin A. A. The issue of certain aspects of Soviet legislation during the Great Patriotic War. *Vektor nauki Tolyatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2015, (3): 12–17. (In Russ.)
10. Zhanbosinova A. S. The structure and dynamics of repressive policies in East Kazakhstan during the Great Patriotic War. *Humanitarian sciences in Siberia*, 2012, (3): 103–105. (In Russ.)
11. Pershin K. V. Struggle of people's commissariat for internal affairs – people's commissariat for state security of USSR against desertion and banditry in the Stalingrad region during the Great Patriotic War. *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta. Ser.: Pedagogicheskie nauki*, 2017, (4): 167–175. (In Russ.)
12. Shevlyakov A. S. Political control of the collective-farm peasantry during the Great Patriotic war (materials to Siberia). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2013, (6): 48–53. (In Russ.)
13. Nedostupov D. A. The history of the Russian Orthodox Church in the 1917–1945. *Nauchnyi almanakh Centralnogo Chernozemia*, 2017, (2): 112–134. (In Russ.)
14. Somov V. A. Rumors as a factor of labor behavior in the initial period of Great Patriotic war. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*, 2011, 4(1): 19–32. (In Russ.)
15. Suchilkin A. V., Suchilkina E. V. Standard and legal regulation of fight against crime during the Second World War. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo*, 2012, (28): 160–163. (In Russ.)
16. Blinova V. V. *The activities of the NKVD bodies of the South Urals during the Great Patriotic War*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Orenburg, 2008, 30. (In Russ.)
17. Shatilov S. P., Shatilova O. A. Law enforcement during the Great Patriotic War. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, 2007, (11): 69–73. (In Russ.)
18. Ahmadiyeva N. V. Peasantry and power: history of the relationship (on the material of Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic, 1941–1945). *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal*, 2015, (3): 51–57. (In Russ.)
19. *The concept of legal education of Russian society*, eds. Vasilyev A. A., Sorokin V. V. Barnaul: Azbuka, 2014, 272. (In Russ.)
20. German R. B. *The activities of the Russian police during the Great Patriotic War and the post-war period (1941–1960)*. Rostov on Don: RIIU MVD Rossii, 2000, 163. (In Russ.)
21. Potapova A. V., Vorotyntseva A. A., Krasnov Iu. K. Courts of the USSR during the Great Patriotic War. *History of State and Law*, 2010, (9): 13–19. (In Russ.)
22. Chuguntsova N. A. The Soviet law enforcement authorities in the North Caucasus during the Great Patriotic War. *Historical and Social-Educational Ideas*, 2012, (1): 92–98. (In Russ.)
23. Semenov V. M., Shatilov S. P. *Activities of the Altai territory militia during the Great Patriotic War: historical and legal aspect*. Barnaul: BIIU MVD Rossii, 2001, 61. (In Russ.)
24. Chervyakova A. A. On the role of bodies of Soviet and German propaganda in the formation of mass consciousness of the population of the USSR and Soviet prisoners of war during the Great Patriotic War. *Iuridicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2011, (57): 13–17. (In Russ.)
25. Khmeleva A. V. Pages of history: investigation during the Great Patriotic War. *Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii*, 2015, (2): 42–47. (In Russ.)
26. Khmeleva A. V. Pages of history: investigation during the Great Patriotic War (on the basis of archive materials of the Voronezh Region). *History of State and Law*, 2015, (9): 23–29. (In Russ.)
27. Golubykh N.V., Chashnikov V. A. The activities of the police in the Urals in the period of the Great Patriotic war. *Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2015, (2): 2–7. (In Russ.)